

Панкин Александр
(выставка работ в
музейном центре РГГУ)

22.11.01

Под знаком «пи»

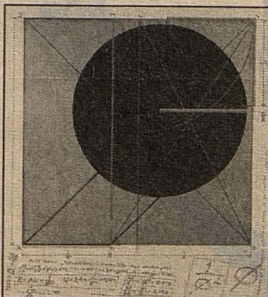
Выставка Александра Панкина
«Число как искусство» в музейном центре РГГУ

Дмитрий СМОЛЕВ, для «Новых Известий»

Гуманитарии питают к точным наукам извечный пиетет. Вернее, подозревают у отдельных людей таинственный тип сознания, будто бы позволяющий скрестить алгебру с гармонией без ущерба для обеих. Образчиками такого жанра нынче выступают композиции Панкина, музейная же администрация придерживается характерной точки зрения: мы-то не вполне понимаем, что здесь и как, но тем ценнее.

Выпускник архитектурного института еще в 60-е годы озабочился проблемой: нельзя ли как-нибудь рационализировать процесс создания художественных произведений? Должна же быть научная метода в противо-

вес лирическому произволу. Источником озарений послужила в итоге царица наук – математика. Панкин демонстрирует изобразительные оды в честь трансцендентных чисел и геометрических фигур. Подход как будто системный, на что и покупают-



ся измученные субъективизмом историки с филологами, но сама система представляется безжизненной. Назначили, к примеру, соответствие цифрам и колоритам, построили на этом основании портрет числа «пи» или еще какого и смотрим зачарованно на то, что вышло...

С тех самых пор, как были сформулированы раздельные понятия науки и искусства, происходило их попеременное сближение и отторжение. Казалось бы, чего проще: наука – для пользы, искусство – для удовольствия, и незачем копыа ломать. Но человек настолько усложнил свои запросы и возможности, что простые категории давно превратились в идиотические. Ядерная бомба – это польза? Черный квадрат – удовольствие? Или наоборот: есть ли что-то, кроме прагматического расчета, в рекламном дизайне и что-нибудь, кроме чистого кайфа, в астрофотометрии?

Правда, Александр Панкин чурается актуального понимания вопроса, возводя истоки своего творчества к античной традиции. Типа: мера важнее всего. Нынешний экспонент из подвижнической породы, он стремится не наполнить желудки сограждан или вывернуть их карманы, а пролить свет на косные мозги.

Но из истории видно, что все утопические сплавы науки с искусством как-то быстро растворялись в текущей жизни, оставляя после себя лишь многоцветные пятна на поверхности. Что-то не срасталось. Есть подозрение, что производители искусства плевать хотели на объективные законы, а жрецы науки намеренно игнорировали субъективные фантазии. В экспозиции у Панкина слишком много примет узкого шестидесятиничества, чтобы искать здесь вселенские откровения. Взять хотя бы понимание Казимира Малевича как ученого (на этом допущении построено многое). Уж увольте: бунтарь, мистагог или дизайнер – это, пожалуй, ста, но какая в супрематизме наука? Листы под заголовками вроде «Вращение черного квадрата вокруг диагонали» – типичный поиск черной же кошки в темной комнате, где никакой кошки нет. А в математическом обосновании родства имен Пушкин – Панкин присутствует что-то безуховское, времен помрачения рассудка на почве убийства Бонапарта.

Отвага в смеси с отчаянием достучаться до масс, по сути романтический идеал одиночки-первооткрывателя. Честно говоря, увиденное вызывает человеческую симпатию, но о чем разговаривать на анонсированном семинаре «Наука и искусство – единое творческое пространство?». Не о том ведь, что нет поступательного прогресса, а есть прихотливая смена приоритетов. И что не существует занятия прискорбней искреннего служения человечеству...